

УСАДЬБА МЕДНОЕ

Старинная барская усадьба

На картах окрестностей Петербурга XVIII века на впадающей в Неву реке Мойке, около деревни Мустола обозначена медная фабрика. Содержал ее гамбургский купец Ф. Л. Попп (Поппе), привлечший к работе на фабрике немецких медного дела мастеров. В 1752-1760 годах в источниках упоминается не только мустольская фабрика медного производства, но и имение Поппе – «привилегированного фабриканта медных изделий».

Эти земли, еще в 1723 году пожалованные секретарю Адмиралтейской конторы О. П. Павлову, после перешли от Поппе к семейству откупщика и заводчика-миллионера Саввы Яковлева (Собакина). Усадьба на реке Мойке досталась его старшему сыну, титулярному советнику Михаилу, бывшему доверенным лицом отца во всех делах, а потом внуку –

отставному подполковнику Ивану Михайловичу, который служил в Почтовом правлении. Деревня Мустолова с усадьбой в 1838 году принадлежала дочери И. М. Яковлева. После «дочери статского советника девицы Александры Яковлевой» владельцем мызы в 1844 году числился «помещик Яковлев», возможно, камергер И. А. Яковлев. Как пишут, именно он, правнук Саввы, продал Медное.

Медную фабрику давно закрыли, а усадьбу при деревне позже стали называть Медное (Мустолово-Медное). Хозяином усадьбы в 1850-е годы стал генерал-лейтенант И. Е. Саллос. По решению суда в 1867 году с генеральши Эмилии Саллос был взыскан долг в пользу титулярного советника П. Н. Анучина. Он получил от генеральши Эмилии Саллос «деревянный господский... дом на каменном фундаменте, крытый железом, два флигеля, ледник, баню, две оранжереи, конюшню, сарай и прочее». При Анучине в доме некоторое время жила дачница Трунева, а за имением присматривал управляющий Устинов.

В 1896 году Медное купила у Анучина олонекская купчиха А. Я. Иванова. Она заложила имение площадью 145 десятин в банке, поверочная опись которого дает представление о Медном: «В усадьбе тенистый сад с парком, огородом, оранжереей и двор, посаженный деревьями. На юго-западной границе – река Мойка с крутыми берегами. Со стороны сада к столовой в господском доме пристроена галерея, она соединена с круглым залом, стены которого расписаны аллегорическими фигурами. Возвышенное местоположение придает усадьбе живописный вид. Весьма старинная барская усадьба, перед которой роскошный, тенистый вековой сад, двор с раскидистыми дубами посредине».

Среди построек перечислены: «дом господский с флигелем и залом в два света, с куполом, два флигеля, конюшни, скотный двор, экипажный сарай, птичник, ледник, подвал, амбар, дача, оранжерея, баня».

Дом журналиста

Издатель и редактор журнала «Осколки» Николай Александрович Лейкин получил от А. Я. Ивановой предложение купить Медное. 17 июня 1899 года он осмотрел усадьбу и написал жене Прасковье Никифоровне: «Трудно себе представить, что-нибудь более запущенное, как это прелестное имение, по-моему чистый клад для хорошего хозяина и продающееся очень дешево».

Усадьба располагалась у Староладожского тракта и, по словам Лейкина, по этой дороге от Анненского к Мустолову и

обратно сновали гимназисты и дамы – грибные охотницы. На тракт выходила железная ограда с воротами и покосившимися столбами из нештукатуренного кирпича. Прямо с дороги въезжали на широкий двор, когда-то обнесенный решеткой и вымощенный булыжником и плитой. Перед домом, посреди площадки для цветника, рос большой дуб.

Господский дом был деревянный, на кирпичном фундаменте. Лейкин заметил, что «сам он весь хорош, за исключением крылец и террасы, которые развалились». Дом был с проходными 6 комнатами в нижнем этаже и 4 комнатами в мезонине, куда вела широкая лестница. Стены и потолки были оштукатурены, в окнах установлены двойные рамы. Во всех комнатах стояли большие изразцовые печи. Кухня с кладовой находилась в самом доме. Покупатель также тщательно изучил в Медном все хозяйственные постройки и «инвентарь»: угловые мягкие диваны, коров, пару лошадей, коляски, бричку, сани, старые садовые скамейки.

Впечатлил Лейкина сад с вековыми липами, кленами, пихтами, елями и кедрами. Он прогулялся по аллее, ведущей от большого зала к реке Мойке. На обрывистом берегу стоял «Храм славы», за колоннами которого была маленькая беседка из цветных стекол. Полуболезненный великолепный вид на Мойку, которая в этом месте разделялась на два рукава, образуя перед беседкой небольшой островок.

«Чтобы привести усадьбу в блестящий вид, надо прибавить к ней 5-6 тысяч, и мне не жаль. Будет настоящая барская усадьба», - был уверен Лейкин, сразу же решивший купить Медное, что и сделал 29 июля 1899 года. Сюда летом 1902 года приезжали метранпажи (верстальщики) Государственных банка и типографии, председателем Клуба которых был Лейкин. Фотограф запечатлел счастливого хозяина и гостей у крыльца дома в Медном.

«Живописные курьезы»

«Нечто курьезное» удивило Н. А. Лейкина в Медном: «Из дома ведет широкий стеклянный коридор в громадную отдельно выстроенную залу в два света. Коридор весь расписан. На стенах между окон изображены во весь рост женщины в русских национальных костюмах разных губерний, самая зала же, имеющая три выхода в сад и две большие кафельные печи, расписана на сюжеты греческой мифологии. Потолок куполом и изображает голубое небо с легкими облаками».

Большие (высотой 3 метра) настенные панно для Медного в первой четверти XIX исполнили два неизвестных художника. Причем им пришлось работать быстро и уверенно: клеевые краски (вроде гуаши) почти

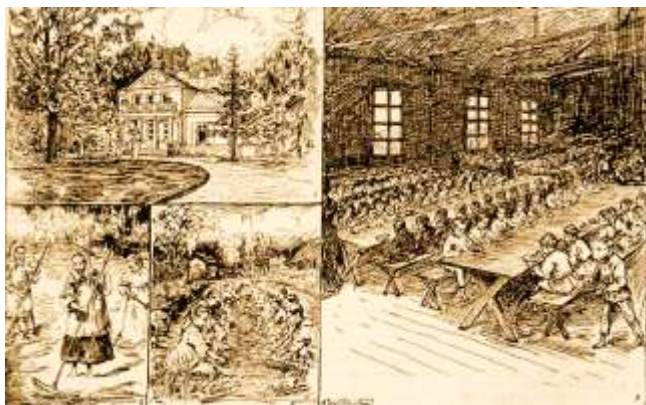
сразу высыхали. Первый мастер воспользовался гравюрами из книги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» (1799). На одном из панно была представлена «мордовка» – девушка в белом платье, расшитом крестами. А еще были «калужская девица» с бусами и «валдайская девка» с бадейкой и баранками. В живописном варианте книжных гравюр появился пейзаж.

У двери в большой зал висели панно «Три грации и амур» и «Девушка в желтом сарафане и старик Хронос». Кисть живописца превратила в граций крестьянских девиц в красных и голубых нарядах, пребывающих в истоме возле статуи амура. А стоящий над водным потоком обнаженный Хронос, отрезающий ножницами голову змее, напоминал коленопреклоненной девушке о скоротечности времени.

Весело провести время с местными «пейзанками» вполне можно было в большом с куполом. Тут уже второй художник постарался изобразить во всех деталях десяток полуголых богов – Вакха, Аполлона, Венеру и других, явно подражая древним фрескам. Красоты добавляли наддверные орнаменты и пейзажи для пилястр с изображением деревьев, ваз, цветочных гирлянд.

Историк искусства барон Н. Н. Врангель, посетив Медное, в 1910 году писал в журнале «Старые годы»: «Дом содержится прекрасно. Он с колоннами, с куполом над большой залой. Весь зал расписан забавными фресками с курьезными типами русских крепостных в ролях богов мифологии. Краски яркие и пестрые... Эти фрески в дивной сохранности, заботливо содержатся, прикрытые бумагой от порчи». Врангель утверждал, что только «домашний художник» по приказу барина «мог намалевать столь дикие, но все же не лишённые прелести живописные курьезы».

Подарок для детей

Любимое Медное писатель Лейкин завещал передать городским училищам Петербурга, а жена исполнила его волю. Открытие новой детской колонии для бедных и слабых здоровьем детей имени Н. А. Лейкина состоялось 8 июня 1906 года. В день торжества приехал в Медное председатель комиссии по народному образованию П. А. Потехин, попечители колонии и гласные Думы, городские учительницы, другие приглашенные. Были врач колонии В. Г. Дементьев и делопроизводитель Ф. И. Медведев.

Один из воспитанников колонии поднес вдове Лейкиной большой букет полевых цветов. Затем местный священник отслужил молебен, причем хор был составлен из детей колонии. Была провозглашена вечная память Н. А. Лейкину и многие лета П. Н. Лейкиной. После молебна дети обедали в своей столовой, а рядом в павильоне накрыли стол для гостей. Звучали тосты в честь П. Н. Лейкиной, главной заведующей хозяйством колонии М. И. Белой, детей и воспитательниц. Дети громко прокричали «ура!» и проводили гостей до пристани на Неве. Репортаж о событии напечатала «Нива».

По проектам И. И. Яковлева в 1906-1916 годах при усадьбе, «в красивой местности, на берегу реки Мойки», были выстроены 12 деревянных барачков для летнего отдыха 404 детей, два флигеля для служителей, лазарет и деревянная столовая с церковью. Расписание для воспитанников включало в себя зарядку, прогулки, легкие садово-огородные работы.

Заметку о колонии в журнале «Огонек» за 1909 год дополняли рисунки с натуры ученика Репина художника И. М. Грабовского. «Огонек» заметил, что Медное «славилось богатой коллекцией живописи». Была мысль перевести колонию из барского дома и открыть панно для осмотра посетителей. Детская колония «Медное» работала до начала 1920-х годов, после в бывшем помещичьем доме устроили клуб и колхозный склад зерна. Усадьба была уничтожена в годы войны; ныне здесь садоводство.

20 панно, написанных непрочной клеевой краской на холсте, в 1930 году привезли в Русский музей. Там в 1950 году кому-то пришла в голову плохая идея накрутить панно на валы. Так и хранятся 17 панно в запаснике, их красочный слой сильно поврежден и настолько хрупок, что осыпается. Всего три панно – «Флора», «Девушка в сарафане с бусами на шее» и «Девушка в сарафане и кокошнике с бадейкой в руке» – висят на стенах в фондах музея.

АВТОР: Наталья СЕДОВА

Использованы фотографии из фондов Российского государственного исторического архива, Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина, Российской национальной библиотеки, Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля, Государственного центрального музея современной истории России и открытых источников

